

УДК 94(470.61)''1937/1938'':262.1(045)

*А.В. Шадрина***РЕПРЕССИИ И ФАЛЬСИФИКАЦИЯ РЕПРЕССИВНЫХ ДЕЛ ПРОТИВ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА В 1937–1938 ГОДАХ В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

Публикация посвящена репрессиям духовенства Ростовской области в 1937–1938 гг. на основании анализа уголовно-следственных дел священнослужителей, хранящихся в Архиве Управления ФСБ РФ по Ростовской области. На примере сфабрикованной «контрреволюционной церковно-монархической организации» обновленческого «митрополита» Петра Сергеева, «действовавшей» на Дону, показано, что особенностью эпохи «Большого террора» в Ростовской области, как и в целом в стране, было конструирование органами НКВД обширных разветвлённых «контрреволюционных организаций», которые создавались в процессе следствия. В статье прослежена история создания «контрреволюционной организации», включавшей 77 чел., формирование фиктивных связей с западными иерархами и организациями, постановка задач, структура. Такого рода «организации» выполняли функцию привлечения к наказанию, как правило, в виде расстрела, как можно большего числа священнослужителей, которые воспринимались руководителями партии и правительства как чуждый советской идеологии элемент, имевший определённое влияние на население.

Ключевые слова: «Большой террор», контрреволюционная организация, «митрополит» Пётр Сергеев, «архиепископ Донской и Шахтинский» Сергей Болгаров, Духовный союз Азчеркрая, епископ Новочеркасский Иулиан (Симашкевич), протоиерей Ф. Делавериди.

Неотъемлемая и значимая часть проблемы «Большого террора» 1937–1938 гг. — это репрессии православного духовенства. Актуальность темы обусловлена главным образом её малоизученностью: сегодня остаётся невыясненной статистика осуждённых и приговорённых к расстрелу священно- и церковнослужителей в целом по стране и по регионам; не определены методы репрессивной политики по отношению к духовенству на региональном уровне; остаются неясными механизмы, в соответствии с которыми не применялась высшая мера наказания к ряду священнослужителей на фоне подавляющего большинства «расстрельных» приговоров. Вместе с тем на обозначенные вопросы и сегодня не может быть дан исчерпывающий ответ, поскольку далёк от завершения процесс выявления и введения в научный оборот архивных источников, изучение которых позволило бы сделать обобщающие выводы.

Обращение к изучению эпохи «Большого террора» ставит проблему уголовно-следственных дел 1937–1938 гг. как исторических источников, поскольку именно эта эпоха характеризуется большим процентом сфабрикованных, в т. ч. групповых дел, обусловленных политикой советского руководства и упрощённой процедурой следствия. Анализ такого рода следственных дел позволяет прийти к определённым выводам относительно методов репрессивной политики советского руководства, в частности, по отношению к православному духовенству.

Проблема репрессий православного духовенства в Ростовской области в 1937–1938 гг. по-прежнему представляется актуальной, поскольку ранее не предпринимались попытки определить региональные особенности этого процесса. В основу настоящей статьи положены результаты исследования более 150 уголовно-следственных дел духовенства Ростовской области, проведённого автором.

Историография эпохи «Большого террора» обширна: данное направление исторической науки разрабатывается на протяжении 30 лет. Однако этого нельзя сказать относительно проблемы репрессий православного духовенства, которой посвящено незначительное число работ. Базовым исследованием, на наш взгляд, является статья И. А. Курляндского «Власть и религия в годы “Большого террора” (1937–1938). По новым архивным документам» [6], посвящённая анализу влияния итогов переписи населения 1937 г. и обсуждения предвыборного законодательства на решение руководства страны о вовлечении в процесс репрессий православного духовенства. В статье анализируются законодательная база применения репрессий против священнослужителей и процесс её обсуждения руководством страны, приводятся данные внутриведомственной статистики о количестве репрессированных церковников, констатируется, что для репрессий представителей Русской православной церкви было характерно «огромное количество групповых дел» и создание органами «многочисленных липовых организаций» [6, с. 272] «с фантастическими обвинениями в шпионаже, вредительстве, терроре, связях с фашистами и проч.» [6, с. 274]. Результатом репрессий, по мнению И. А. Курляндского, стало

решение проблем не допуска представителей Церкви к участию в выборы в Верховный Совет и усиления антирелигиозной пропаганды.

Региональные исследования, посвящённые проблеме репрессий православного духовенства в 1937–1938 гг., проводили исследователи Москвы [7; 10], Перми [4], Бийска [9], Татарстана [11] и Ростова-на-Дону. В Ростове-на-Дону в 2013 г. в рамках научных конференций были сделаны доклады Л. В. Табунщиковой [14; 16] и Ю. А. Бирюковой [3], посвящённые антицерковной репрессивной политике НКВД в донском регионе; была предпринята попытка выявления имён репрессированного духовенства Донской и Новочеркасской епархии 20–40-х гг. XX в. [21], сформулированы особенности следственных дел донского духовенства 1930-х гг. [17] и поставлена проблема их фальсификации [15; 18]. В 2015–2016 гг. были опубликованы две статьи, посвящённые «Делу святых» г. Таганрога [13, 19]. Региональные исследования, в т. ч. московских авторов, отличает концентрированность на частных вопросах микроисторического уровня. Авторы детализируют обстоятельства уголовно-следственных дел, привлекая внимание к конкретным личностям епископов или священнослужителей. Тем не менее, во всех исследованиях подчеркиваются основные тенденции, свойственные репрессиям духовенства 1937–1938 гг.: обилие групповых дел и их фальсификация органами НКВД.

Важнейшее направление в современной историографии репрессий 1937–1938 гг. — это исследование фальсификаций (фабрикаций) уголовно-следственных дел в годы «Большого террора» и степени их легитимности как исторических источников. Так, А. Б. Суслов в работе «Использование фальсификаций в деятельности пермских чекистов в годы Большого террора» [12] показывает, что фабрикация уголовно-следственных дел была обыденным явлением в работе органов НКВД в 1937–1938 гг. Проблема изучения такого рода дел как исторических источников рассмотрена в работах Н. Н. Покровского [8] и А. В. Елпатьевского [5].

Цель настоящего исследования — выявить особенности репрессий православного духовенства Ростовской области в 1937–1938 гг. на примере анализа такого метода репрессивной политики НКВД, как создание сфальсифицированных контрреволюционных церковно-монархических организаций, крупнейшей из которых на Дону была организация обновленческого «митрополита» Петра Сергеева. Задача исследования — показать метод конструирования развернутой контрреволюционной организации органами НКВД, её особенностей и результатов разработки. Научная новизна работы заключается в том, что впервые показан *процесс конструирования* сфабрикованной контрреволюционной организации, проведён анализ её состава, показавший, что сотрудники НКВД не были знакомы с особенностями внутренней жизни Русской православной церкви и не учитывали её особенностей. Однако очевидные противоречия не препятствовали вынесению «расстрельных» приговоров всем членам сфабрикованной организации, за исключением тех священнослужителей, что сотрудничали с НКВД.

Источниковой базой исследования послужили архивно-следственные дела православного духовенства Ростовской области, хранящиеся в Архиве Управления ФСБ РФ по Ростовской области, большинство из которых впервые вводится в научный оборот.

Полагаем необходимым пояснить использование кавычек в тексте статьи. Термин «Большой террор», по справедливому замечанию И. А. Курляндского, отличается условностью, связанной с различными датировками этой эпохи [6, с. 255]. По устоявшейся традиции, на которой настаивают историки Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, в кавычки берутся незаконно присвоенный титул обновленческих и григорианских епископов и статус собора, незаконно присвоенный обновленческим собраниям. Кавычки применяются и к термину «контрреволюционная организация», поскольку таковая была сфабрикована и существовала лишь в материалах уголовно-следственных дел.

В Ростовской области репрессии духовенства, понимаемого представителями советской власти как «реакционный элемент», настроенный против господствующего режима и оказывающий соответствующее влияние на казачье население, начались в 1920 г. Пиком репрессивной политики стали 1937–1938 гг., получившие в историографии наименование «Большого террора», регламентированного постановлением Политбюро от 31 июля 1937 г. и приказом НКВД № 00447 [6, с. 255–284; 22; 23]. В ходе «Большого террора» наиболее эффективным методом на Дону и в других областях СССР, позволявшим репрессировать значительное количество священно- и церковнослужителей, было создание сфальсифицированных органами НКВД «контрреволюционных организаций». В Ростовской области этот метод не был новаторским: на протяжении предшествовавших 17 лет он уже использовался, но в масштабах, значительно более скромных. «Большой террор» предполагал соответствующие

размеры. В 1937–1938 гг. на Дону было сфабриковано 12 известных сегодня контрреволюционных «церковно-монархических организаций», включавших в себя от 5 до 80 чел. Самую крупную из них возглавлял обновленческий «митрополит» Пётр Сергеев. Организация состояла из трёх дочерних самостоятельных ответвлений, локализовавшихся в соответствии с обновленческими центрами — в Ростове-на-Дону, городах Шахты и Новочеркасске. Замысел творцов этой «контрреволюционной организации» был прозрачен: они выполняли задачу уничтожения максимального числа иерархов и священнослужителей, проживавших в этих городах. В число иерархов входили обновленческие лидеры П. Сергеев, «митрополит Ростовский и всего Кавказа», Сергей Болгаров, «архиепископ Донской и Шахтинский» Иулиан (Симашкевич), епископ Новочеркасский. Они были арестованы в августе — сентябре 1937 г. [2. Д. П-41368. Л. 152. Д. П-48003. Л. 1. Д. П-41369. Л. 5об]. На день ареста Болгарова каких-либо данных о существовании церковно-монархической организации ещё не было [2. Д. П-28507. Л. 77]. История, задачи и структура «организации» создавались по мере арестов священнослужителей и излагались при помощи протоколов их допросов, вошедших в состав следственных дел в машинописном виде.

История «контрреволюционной организации» «митрополита» П. Сергеева, по мысли сотрудников НКВД, началась в 1920-е гг. Её основой стал «“Союз духовенства”, который ставил себе целью добиться свержения советской власти и как практические задачи выдвигал проведение открытого саботажа всех директив и распоряжений советского правительства» [2. Д. П-43005. Л. 39]. Для придания этому утверждению авторитетности авторы истории ссылались на приказ патриарха Тихона от 1922 г., в котором он «призывал духовенство к объединению в своей борьбе с советской властью» [2. Д. П-43005. Л. 39]. Однако это утверждение не соответствует действительности. Подобного призыва в послании патриарха Тихона не содержалось [1, с. 184–270]. Сотрудники НКВД пытались за желаемый документ выдать «Послание Святейшего Патриарха Тихона о помощи голодающим и изъятии церковных ценностей» [1, с. 188, 190], не содержащий призывов к борьбе.

Руководство «контрреволюционной организацией», несмотря на попытки использовать авторитет патриарха Тихона, было отдано НКВД в руки обновленческих лидеров. Ими были назначены члены «обновленческого синода» [2. Д. П-16674. Л. 26]. Как «митрополит» П. Сергеев, так и ростовский обновленческий священник М. Царевский руководителями центра «контрреволюционной организации» называли митрополитов Евдокима Мещерского, Вениамина Муратовского (на тот момент уже умерших), Серафима Ружинцева, Виталия Введенского, Александра Введенского, протоиереев П. Красотина, Аламова и др. [2. Д. П-16674. Л. 25–26; Д. П-41368. Л. 10–11]. Центр, по мысли сотрудников НКВД, был связан с зарубежными церковно-белоэмигрантскими кругами [2. Д. П-16674. Л. 26], которые в действительности никогда не поддерживали обновленцев.

Несмотря на заявленные связи руководства с Западом, перед ростовской «организацией» органы НКВД ставили задачи устанавливать те же связи. Так, в протоколах допросов свидетельствовало, что через Кубанского епископа Владимира (Иванова) была установлена связь с греческой миссией в Москве; через Новороссийского епископа Иоанна (Тюрина) — с итальянским консулом в Новороссийске и с Ватиканом. Через новочеркасского епископа Иулиана (Симашкевича) «была установлена связь» с зарубежными белоэмигрантскими епископами Антонием (Храповицким), Евлогием (Георгиевским), Дионисием Варшавским, Анастасием Кишиневским, епископом Гермогеном, бывшим военным епископом при генерале Краснове [2. Д. П-16674. Л. 30–31].

Ввиду того, что в Ростове-на-Дону существовала греческая Благовещенская церковь, сотрудники НКВД большое внимание уделяли проработке «контрреволюционных связей» с греческим консульством. Так, по их мысли, ещё летом 1932 г. (это выяснится только в конце 1937 г., после ареста протоиерея Ф. Делавериди) архиепископом Н. Амассийским «было решено» под предлогом разрешения некоторых церковных вопросов у московского митрополита Сергия (Страгородского) послать в греческое посольство священников Делавериди, Дамианиди и Свиropуло, которые, к слову, не подчинялись ростовскому архиепископу. В греческом посольстве делегацию «принял» консул и дал задание собирать сведения шпионского характера [2. Д. П-16674. Л. 17]. Летом 1935 г. из греческой миссии из Москвы инкогнито «приезжал» в Ростов сотрудник посольства Вольсомакис, который, несмотря на то, что не имел никакого отношения к Русской церкви, порекомендовал «осуществить контрреволюционный блок обновленческой и староцерковнической организаций» [2. Д. П-16674. Л. 18]. Однако явные несоответствия, которыми изобиловали следственные материалы, проигнорировали на заседании тройки УНКВД, что стало причиной гибели в 1938 г. почти всего греческого духовенства Ростова-на-Дону.

Основной целью «контрреволюционной организации» П. Сергеева, обозначенной в протоколах допросов её членов, было «вести активную борьбу с советской властью всякими мерами и средствами, направленными к свержению советской власти и восстановлению монархии» [2. Д. П-41368. Л. 9; Д. П-43005. Л. 39]. Рядовым членам давались установки, соответствовавшие не людям Церкви, а в определённом смысле членам ВКП(б): проводить среди населения систематическую агитацию и пропаганду фашизма; распространять клеветнические измышления против советской власти и руководителей партии; проводить вредительскую и диверсионную работу; организовать повстанческие группы; собирать сведения шпионского характера; организовать индивидуальный террор над ответственными работниками и коммунистами по усмотрению организации [2. Д. П-16674. Л. 22].

Структура «контрреволюционной организации» «митрополита» П. Сергеева формировалась в процессе следствия. Она включала 3 больших блока: ростовский, руководимый П. Сергеевым; шахтинский — руководитель «архиепископ» С. Болгаров, новочеркасский, центром которого была деятельность епископа Иулиана (Симашкевича). Периодически как часть ростовского блока упоминалась «контрреволюционная организация» архиепископа Николая (Амассийского), арестованного в 1935 г. с духовенством, пытавшимся противостоять закрытию кафедрального собора Рождества Богородицы в Ростове-на-Дону [2. Д. П-38681]. Каждая часть большой организации была относительно самостоятельна и имела собственную структуру. Так, ростовское отделение было разделено на участки, локализовавшиеся вокруг определённой церкви. В свою очередь участки были разбиты по кварталам [2. Д. П-16674. Л. 22]. Священнослужители, по мысли сотрудников НКВД, использовали легальные возможности церкви и «под видом религиозных треб» ходили по квартирам верующих и «проводили фашистскую агитацию» [2. Д. П-16674. Л. 23, 54; Д. П-38521. Л. 18].

В виду ориентации НКВД на обновленцев, в «контрреволюционной организации» основной была обновленческая Всехсвятская группа [2. Д. П-5123. Л. 20], где в эти годы совершал богослужения «митрополит» Пётр Сергеев. В неё входили священники М. Царевский, Г. Даниловский, Т. Иевлев, Л. Чевяга [2. Д. П-5123. Л. 20; Д. П-3780. Л. 70–71], А. Кулешов, И. Чехранов, П. Петропавловский [2. Д. П-16674. Л. 19], Г. Перовский, К. Новомирский, Л. Токарев [2. Д. П-5123. Л. 14], диаконы Я. Лисанский [2. Д. П-38521. Л. 18], С. Дроздов [2. Д. П-28695], псаломщики И. Зимасков и Михайлов [2. Д. П-5123. Л. 6]. Характерной особенностью протоколов допросов было то, что каждый осуждённый называл новые и новые имена, по всей видимости, которые хотели услышать сотрудники НКВД, поскольку штат церкви, даже обновленческой, не мог состоять из 14 клириков и «митрополита».

Остальные группы «организации» были патриаршими [20, с. 134–135], т. е. не принадлежали к обновленческому течению, что является одним из основных показателей фальсификации данной «организации», поскольку тихоновское духовенство принципиально не имело общения с обновленческим.

Александринская группа (храм св. царицы Александры Ростова-на-Дону) входила в блок «тихоновских» приходов [2. Д. П-16674. Л. 19], возглавляемых покаявшимся обновленческим протоиереем Ф. Делавериди [2. Д. П-41368. Л. 29; Д. П-16674. Л. 29]. Участники: священники Г. Суринов, Л. Соколовский, С. Попов, Г. Ковалевский, диаконы П. Кулапов, Г. Гавриленко, В. Ольшевский, Н. Наталюткин [2. Д. П-16674].

Греческую группу, как и Александринскую, возглавлял протоиерей Ф. Делавериди. Её задачами сотрудники НКВД определили: «проводить работу среди ростовских греков... проводить фашистскую агитацию и собирать сведения шпионского характера и распространять фашистскую литературу» [2. Д. П-5123. Л. 20; Д. П-3780. Л. 70]. Участники — священники М. Евстафиади, Х. Иоаниди, К. Свиropуло, И. Дамианиди [2. Д. П-37330], псаломщики И. Шевченко и Г. Дуплий [2. Д. П-13928. Л. 20; Д. П-38521. Л. 18; Д. П-39626].

Владими́ро-Шаховскую группу (Ленгородок) возглавлял священник С. Лазарев [2. Д. П-16674. Л. 21]. Участники: священники Т. Романенко, К. Разногорский [2. Д. П-5123. Л. 19], диакон Н. Лысенко [2. Д. П-16674. Л. 19].

В показаниях обновленческого священника Л. Чевяги упоминаются Софиевская группа, возглавлявшаяся прот. Ф. Делавериди (участники: священники П. Петропавловский, С. Вахнин, И. Чехранов [2. Д. П-5123. Л. 19; Д. П-3780. Л. 69–70]) и Вознесенская, возглавляемая священником В. Поповым (участники: священники И. Лузгин, Е. Архипцев, диакон Н. Лысенко, М. Хомичев) [2. Д. П-38521. Л. 19].

Как видим, в работе ростовского НКВД было учтено всё духовенство Ростова-на-Дону, несмотря на его принадлежность не только к разным ориентациям, но и к Константинопольскому патриархату.

Не менее развёрнутой была дочерняя «контрреволюционная организация» шахтинского обновленческого «архиепископа» С. Болгарова [2. Д. П-43015. Л. 9–10], которая в показаниях священника К. Ефремова называлась «Духовный союз Азчеркрая» [2. Д. П-43005. Л. 49]. Это отделение было создано в 1930 г. по поручению «митрополита» П. Сергеева бывшим «епископом Донским» С. Киреевым [2. Д. П-48003. Л. 85]. Задачи этой «организации» были сформулированы устами «архиепископа» С. Болгарова: «Основной задачей нашей контрреволюционной организации является борьба с советской властью путём антисоветской пропаганды, создания и воспитания кадров для вооружённой борьбы против советского правительства, диверсионно-террористической деятельности и прямой помощи фашистским странам» [2. Д. П-43019. Л. 2].

В шахтинское отделение входило духовенство и обновленческого, и тихоновского течений. Обновленцами были протоиереи Л. Скворцов, А. Церетели, К. Ефремов, Н. Касьянов [2. Д. П-43019], П. Гуськов; священники А. Боголюбов, А. Ливенцев [2. Д. П-48003. Л. 2, 5], псаломщики В. Головин, В. Финляндский [2. Д. П-48003. Л. 17]. К тихоновскому течению принадлежали священники Л. Киевский [2. Д. П-43011], В. Маргаритов [2. Д. П-44714], В. Листопадов [2. Д. П-43015], П. Мельников, В. Михин, Г. Чепурный, В. Милованов, К. Красильников; диакон П. Труфанов.

В «организацию» Болгарова входило «Каменское отделение», состоявшее из духовенства городов Каменска, Миллерово, Белой Калитвы, станиц Тацинской, Морозовской, Владимирской Гундоровской и др. Объединение духовенства этих населённых пунктов под руководством обновленческого «архиепископа» само по себе — свидетельство грубой фальсификации, поскольку этот район Ростовской области отличался разнородностью религиозных течений, в 1920-е гг. инициированных советской властью. Так, на фоне к тому времени уже подавляющего большинства патриарших (тихоновских) приходов, Шахты оставались центром обновленческого, а Каменск — григорианского расколов. В состав «Каменского отделения» сотрудники НКВД включили священнослужителей, чью принадлежность той или иной ориентации определить в настоящее время не представляется возможным. Согласно показаниям священника К. Ефремова, в Каменске параллельно существовала «контрреволюционная церковно-монархическая организация тихоновской ориентации, руководимая протоиереем Чеботарёвым» [2. Д. П-43005. Л. 23].

Наименее разработанным органами НКВД было новочеркасское отделение. Его деятельность была связана с личностью епископа Иулиана (Симашкевича), которого НКВД назначил отвечать за налаживание связей с «зарубежными белоэмигрантскими церковными митрополитами и епископами» [2. Д. П-41369. Л. 72–73], за «подготовку террористических актов» и установление связи с руководителями «Русского общевоинского Союза» [2. Д. П-41369. Л. 74].

К концу сентября 1937 г. все члены «контрреволюционной организации» «митрополита» П. Сергеева (77 чел.) были арестованы. Следствие длилось до сентября 1938 г., хотя первые приговоры были вынесены уже в декабре 1937 г. Обвинительный приговор звучал стандартно: «Являлся активным участником контрреволюционной церковно-белогвардейской повстанческой организации, ставившей своей задачей свержение Сов. власти путём вооружённого восстания <...> был полностью информирован о задачах и практической деятельности контрреволюционной организации <...> проводил среди населения фашистско-пораженческую агитацию. Предсказывал неминуемую гибель Сов. власти и победу фашизма в СССР. Клеветал по адресу руководителей ВКП(б) и советского правительства. Виновным себя признал» [2. Д. П-16674. Л. 60; Д. П-38521. Л. 31; Д. П-5123. Л. 69]. Из 77 чел., проходивших по делу «контрреволюционной организации» «митрополита» П. Сергеева подавляющее большинство были расстреляны. 3 декабря 1937 г. были приговорены к расстрелу «архиепископ» С. Болгаров и члены шахтинского отделения [2. Д. П-48003. Л. 111; Д. П-43015. Л. 46; Д. П-43005. Л. 53; Д. П-28507. Л. 41]. Расстрелы продолжились 5 января 1938 г. [2. Д. П-44714. Л. 17]. В начале февраля 1938 г. были расстреляны протоиерей Ф. Делавериди и члены греческой группы ростовского отделения [2. Д. П-13928. Л. 70; Д. П-37330. Л. 25]. 5 июня 1938 г. расстреляли членов ростовского отделения «организации» [2. Д. П-38541. Л. 26; Д. П-16936. Л. 59; Д. П-38521. Л. 32; Д. П-5123. Л. 70; Д. П-38862. Л. 104; Д. П-28695. Л. 41; Д. П-39626. Л. 65]. 2 сентября 1938 г. был приговорён к расстрелу «митрополит» П. Сергеев [2. Д. П-41368. Л. 150], а 5 сентября 1938 г. — епископ Иулиан (Симашкевич) [2. Д. П-41369. Л. 77]. Два священника, тесно сотрудничавших с НКВД, были приговорены к 10 годам исправительно-трудовых лагерей [2. Д. П-43019. Л. 60; Д. П-43008. Л. 33]. Протоиерей М. Царевский умер в тюрьме, не дождавшись приговора и расстрела [2. Д. П-3870. Л. 135].

Фальсификация «контрреволюционной организации» «митрополита» П. Сергеева в полной мере была признана и подтверждена органами НКВД в июле 1940 г. в связи с привлечением к ответственности бывших сотрудников УНКВД Ростовской области К. С. Васина и Г. М. Зеликсона. Так, К. С. Васин был признан виновным в том, что «допускал в своей практической работе грубейшие нарушения социалистической законности». Им было арестовано без всяких оснований 79 чел., на которых впоследствии дела были прекращены за отсутствием состава преступления. Принуждая арестованных к даче показаний о своей мнимой причастности к контрреволюционной деятельности, Васин применял «меры психического и физического воздействия». Кроме того, он «допускал фальсификацию следственных материалов <...>, корректировал протоколы допросов обвиняемых, в которые вписывал фамилии ряда лиц, якобы соучастников контрреволюционной организации, тогда как обвиняемые о них не только не показывали, но даже и вовсе их не знали» [2. Д. П-28507. Л. 69–70]. Подсудимых избивали в его кабинете [2. Д. П-28507. Л. 71]. В отличие от тех сотен людей, которые были приговорены усилиями К. С. Васина к высшей мере наказания, его приговор ограничился 8 годами исправительно-трудовых лагерей. В процессе реабилитации членов «контрреволюционной организации» «митрополита» П. Сергеева материалы следственных дел были признаны «недостаточными и противоречивыми» [2. Д. П-5123. Л. 149–154].

Как видим, в Ростовской области особенностью репрессивной политики эпохи «Большого террора» по отношению к духовенству была фабрикация «контрреволюционных церковно-монархических организаций». Эти организации выстраивались по стандартной схеме: московский центр, задававший направление деятельности; зарубежные связи, цель и участие которых в работе местной организации не были прописаны в достаточной степени; развёрнутая структура на местах, руководимая назначенным НКВД иерархом. Отличительной особенностью, не зафиксированной на сегодняшний день в других областях СССР, была *масштабность подобных фальшив-организаций* в Ростовской области: до 80 священно- и церковнослужителей (псаломщиков).

Особенностью, характеризующей репрессии православного духовенства 1937–1938 гг., было постепенное конструирование «контрреволюционных организаций». Так, на примере организации «митрополита» П. Сергеева было прослежено, что к моменту ареста её первых членов органами НКВД ещё не была разработана её структура. Это позволило постепенно сформировать состав членов организации, который охватывал почти всех служащих клириков Ростова-на-Дону, Шахт и — выборочно — других населённых пунктов.

При создании «контрреволюционных организаций» сотрудниками НКВД допускались несоответствия, свидетельствующие об их недостаточной компетентности в церковных вопросах. Так, представители патриарших приходов, которых в 1937–1938 гг. в Ростовской области было подавляющее большинство, принципиально не могли объединиться с обновленцами, и тем более — теософами, под руководством обновленческого иерарха. О фальсификации протоколов допросов свидетельствуют характерные выражения, не соответствующие достоинству священнослужителей и не входящие в их лексикон. Однако ни эти, ни другие несоответствия не стали препятствием для вынесения «растрельных» приговоров подавляющему большинству священнослужителей, обвинённых как участников «контрреволюционных организаций».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / сост. М. Е. Губонин. М.: Изд-во ПСТБИ, 1994. 1064 с.
2. Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Ростовской области (Архив УФСБ РФ по РО).
3. Бирюкова Ю. А. Репрессии против духовенства и мирян на Дону в 1930-е гг. // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2013. № 23. С. 11–15.
4. Дегтярёва М. И., Дегтярёва Н. Е. «Оглядываясь на тридцать седьмой»: следственные дела священников, пострадавших в Перми в год Большого террора // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2013. Вып. 3 (23). С. 176–187.
5. Елпатьевский А. В. Следует ли публиковать документы фальсифицированных дел? // Отечественные архивы. 2000. № 5. С. 120–121.
6. Курляндский И. А. Власть и религия в годы «Большого террора» (1937–1938 гг.). По новым архивным документам // Труды Института российской истории. 2010. Вып. 9. С. 255–284.

7. *Мазырин А., свящ.* Большой террор и Московская Патриархия: репрессии против ближайших сотрудников митрополита Сергия (Страгородского) // XXIII Ежегодная богословская конф. ПСТГУ. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. С. 28–35.
8. *Покровский Н. Н.* Время публиковать источники // Вестн. Российской Академии наук. Т. 67. 1997. № 2. С. 129–136.
9. *Сидоренко Д. И.* Репрессии православного духовенства Бийской епархии в 30-е гг. XX в. // Мир Евразии. 2012. № 2–4 (17–19). С. 194–198.
10. *Соловьёв И., свящ.* К истории репрессий в отношении «обновленческого» духовенства г. Москвы в 1937–1938 гг. // XXIV Ежегодная богословская конф. ПСТГУ. М.: Изд-во ПСТГУ, 2014. С. 135–143.
11. *Степанов А. Ф.* «Большой террор» 1937–1938 гг. и православное духовенство: репрессии в Советском Татарстане // Вестн. ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2010. Вып. II:3 (36). С. 67–80.
12. *Сулов А. Б.* Использование фальсификаций в деятельности пермских чекистов в годы Большого террора // Вестн. Удм. ун-та. 2014. Сер.: История и филология. Вып. 1. С. 95–99.
13. *Табуницкова Л. В.* «Дело святых» 1928–1929 гг. // Научные труды Донской духовной семинарии. 2016. Вып. 4. С. 129–135.
14. *Табуницкова Л. В.* Антицерковная репрессивная политика органов НКВД на Дону в 30-е гг. XX в. (по материалам следственных дел) // Материалы VIII междунар. науч. конф. «Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР», 2–3 нояб. 2013 г. Ч. 2. Краснодар: Изд-во ООО «Экоинвест», 2013. С. 145–146.
15. *Табуницкова Л. В.* К вопросу о фальсификации следственных дел донского духовенства 1930-х гг. // Государство, общество, Церковь в истории России XX века: материалы XIII междунар. науч. конф., Иваново, 12–13 марта 2014 г. В 2 ч. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2014. Ч. 1. С. 650–655.
16. *Табуницкова Л. В.* Обзор следственных дел донских священнослужителей, пострадавших от репрессий в 1930-х гг. XX в. // Преподобный Сергий. Русь. Наследие, современность, будущее. Материалы Восемнадцатых Дмитриевских образовательных чтений. Ростов-на-Дону: Б. и., 2013. С. 247–251.
17. *Табуницкова Л. В.* Особенности уголовных следственных донских священнослужителей 1930-х гг. // Материалы VI междунар. Свято-Игнатиевских чтений. Ставрополь, 14 мая 2014 г. Ставрополь: Изд. центр СтПДС, 2014. С. 337–348.
18. *Табуницкова Л. В.* Фальсификация дел донского духовенства в 30-х гг. XX в. // Князь Владимир — цивилизационный выбор Руси. Материалы XIX Дмитриевских образовательных чтений. Ростов-на-Дону: Б. и., 2014. С. 220–226.
19. *Табуницкова Л. В., Герасимова В. В.* «Дело святых» 1928–1929 гг. // Традиция и новации: культура, общество, личность. Материалы XX Дмитриевских образовательных чтений. Ростов-на-Дону: Б. и., 2015. С. 346–350.
20. *Табуницкова Л. В., Шадрина А. В.* Церковные расколы в Донской области. 1920–1930-е гг.: сб. документов и материалов [отв. ред. А. В. Венков; науч. ред. Н. В. Киселева]. Ростов н/Д: Антей, 2015. С. 134–135.
21. *Шадрина А. В.* Результаты выявления имён репрессированного духовенства Донской и Новочеркасской епархии 20–40-х гг. XX в. // Князь Владимир. Цивилизационный выбор Руси. Материалы XIX Дмитриевских образовательных чтений. Ростов н/Д: Б. и., 2014 г. С. 202–211.
22. *Юнге М., Биннер Р.* Как террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М.: «АИРО-XX», 2003. 253 с.
23. *Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р.* Вертикаль Большого террора. История операции по приказу № 00047. М.: Новый Хронограф; АИРО-XXI, 2008. 784 с.

REFERENCES

1. Akty Svyatejshego Tihona, Patriarha Moskovskogo i vseya Rossii, pozdnejshie dokumenty i perepiska o kanonicheskom preemstve vysshej cerkovnoj vlasti. 1917–1943 gg. [Acts of His Holiness Tikhon, Patriarch of Moscow and All Russia, later documents and correspondence about the canonical succession of the highest ecclesiastical authority. 1917–1943]. Moscow, Publ. House of PSTBI, 1994, 1064 p. (In Russian).
2. Arhiv Upravleniya Federal'noj sluzhby bezopasnosti Rossijskoj Federacii po Rostovskoj oblasti (Arhiv UFSB RF po RO) [The archive of the Office of the Federal Security Service of the Russian Federation for the Rostov Region]. (In Russian).
3. *Biryukova Yu. A.* Repressii protiv duhovenstva i miryan na Donu v 1930-e gg. [Repression against the clergy and laity on the Don in the 1930s.] // Ezhegodnaya bogoslovskaya konferenciya Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta [Annual Theological Conference of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University]. 2013, no. 23, pp. 11–15. (In Russian).
4. *Degtyareva M. I., Degtyareva N. E.* «Oglyadyvayas' na tridcat' sed'moj»: sledstvennye dela svyashchennikov, postradavshih v Permi v god Bol'shogo terror [“Looking back at the thirty-seventh”: investigating cases of priests who have suffered in Perm in the year of the Great Terror]. Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriya [Bulletin of Perm University. Series History], 2013, issue 3 (23), pp. 176–187. (In Russian).

5. *Elpat'evskij A. V.* Sleduet li publikovat' dokumenty fal'sificirovannyh del? [Should the documents of falsified cases be published?]. Otechestvennye arhivy [Domestic Archives], 2000, no. 5, pp. 120–121. (In Russian).
6. *Kurlyandskij I. A.* Vlast' i religiya v gody "Bol'shogo terror" (1937–1938 gg.). Po novym arhivnym dokumentam [Power and religion in the years of the "Great Terror" (1937–1938). On new archival documents]. Trudy Instituta rossijskoj istorii [Proceedings of the Institute of Russian History], 2010, issue 9, pp. 255–284. (In Russian).
7. *Mazyrin A., svyashch.* Bol'shoj terror i Moskovskaya Patriarhiya: repressii protiv blizhajshih sotrudnikov mitropolita Sergiya (Stragorodskogo) [The Great Terror and the Moscow Patriarchate: repressions against the closest associates of Metropolitan Sergius (Stragorodsky)]. XXIII Ezhegodnaya bogoslovskaya konferenciya PSTGU [XXIII Annual Theological Conference of the PSTU]. Moscow, PSTGU Press, 2013, pp. 28–35. (In Russian).
8. *Pokrovskij N. N.* Vremya publikovat' istochniki [Time to publish sources]. Vestnik Rossijskoj akademii nauk [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 1997, vol. 67, no. 2, pp. 129–136. (In Russian).
9. *Sidorenko D. I.* Repressii pravoslavnogo duhovenstva Bijskoj eparhii v 30-e gg. XX v. [The repressions of the Orthodox clergy of the Biysk diocese in the 30s XX century]. Mir Evrazii [The World of Eurasia], 2012, no. 2–4 (17–19), pp. 194–198. (In Russian).
10. *Solov'ev I., svyashch.* K istorii repressij v otnoshenii "obnovlenncheskogo" duhovenstva g. Moskvy v 1937–1938 gg. [To the history of repression in relation to the "renovationist" clergy of Moscow in 1937–1938]. XXIV Ezhegodnaya bogoslovskaya konferenciya PSTGU [XXIV Annual theological conference of the PSTU]. Moscow, PSTGU Press, 2014, pp. 135–143. (In Russian).
11. *Stepanov A. F.* "Bol'shoj terror" 1937–1938 gg. i pravoslavnoe duhovenstvo: repressii v Sovetskom Tatarstane ["Great Terror" 1937–1938 and the Orthodox clergy: repression in Soviet Tatarstan]. Vestnik PSTGU. Ser. II: Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi [Bulletin of PSTGU. Series II. History. History of the Russian Orthodox Church], 2010, issue II:3 (36), pp. 67–80. (In Russian).
12. *Suslov A. B.* Ispol'zovanie fal'sifikacij v deyatelnosti permskih chekistov v gody Bol'shogo terrora [Use of falsifications in the activities of Perm security officers in the years of the Great Terror]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology], 2014, issue 1, pp. 95–99. (In Russian).
13. *Tabunshchikova L. V.* "Delo svyatyh" 1928–1929 gg. ["The Work of Saints" 1928–1929]. Nauchnye trudy Donskoj duhovnoj seminarii [Scientific works of the Don Theological Seminary], 2016, issue 4, pp. 129–135. (In Russian).
14. *Tabunshchikova L. V.* Anticerkovnaya repressivnaya politika organov NKVD na Donu v 30-e gg. (po materialam sledstvennyh del) [The anti-church repressive policy of the NKVD organs on the Don in the 30s. XX century. (based on materials of investigative cases)]. Materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Problemy istorii massovyh politicheskikh repressij v SSSR" [Materials of the VIII International Scientific Conference "Problems of the History of Mass Political Repressions in the USSR"]. Krasnodar, OOO "EHkoinvest" Publ., pt. 2, pp. 145–146. (In Russian).
15. *Tabunshchikova L. V.* K voprosu o fal'sifikacii sledstvennyh del donskogo duhovenstva 1930-h gg. [On the issue of the falsification of the investigation cases of the Don clergy of the 1930s]. Gosudarstvo, obshchestvo, Cerkov' v istorii Rossii XX veka: materialy XIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [State, society, the Church in the history of Russia of the 20th century: materials of the XIII International Scientific Conference]. Ivanovo, Ivanovo State University Press, 2014, pt. 1, pp. 650–655. (In Russian).
16. *Tabunshchikova L. V.* Obzor sledstvennyh del donskih svyashchennosluzhitelej, postradavshih ot repressij v 1930-h gg. [The review of the investigation cases of the priests who suffered from repression in the 1930s. XX century]. Prepodobnyj Sergij. Rus'. Nasledie, sovremennost', budushchee. Materialy Vosemnadcatyh Dmitrievskih obrazovatel'nyh chtenij [The Monk Sergei. Russia. Heritage, modernity, future. Materials of the Eighteenth Dmitriyev Educational Readings]. Rostov-na-Donu, 2013, pp. 247–251. (In Russian).
17. *Tabunshchikova L. V.* Osobennosti ugovolnyh sledstvennyh donskih svyashchennosluzhitelej 1930-h gg. [Features of the criminal investigative Don priests of the 1930s.]. Materialy VI Mezhdunarodnyh Svyato-Ignat'evskih chtenij [Materials of the VI International Holy Ignatiev Readings]. Stavropol, StPDS Publ., 2014, pp. 337–348. (In Russian).
18. *Tabunshchikova L. V.* Fal'sifikaciya del donskogo duhovenstva v 30-h gg. XX v. [The falsification of the affairs of the Don clergy in the 1930s. XX century]. Knyaz' Vladimir — civilizacionnyj vybor Rusi. Materialy XIX Dimitrievskih obrazovatel'nyh chtenij [Prince Vladimir — the civilizational choice of Russia. Materials of XIX Dimitrievskiy educational readings]. Rostov-na-Donu, Without Publ. House, 2014, pp. 220–226. (In Russian).
19. *Tabunshchikova L. V., Gerasimova V. V.* "Delo svyatyh" 1928–1929 gg. ["The Work of Saints" 1928–1929]. Tradiciya i novacii: kul'tura, obshchestvo, lichnost'. Materialy XX Dimitrievskih obrazovatel'nyh chtenij [Tradition and innovations: culture, society, personality. Materials of the XXth Dimitriev Education Readings]. Rostov-na-Donu, Without Publ. House, 2015, pp. 346–350. (In Russian).
20. *Tabunshchikova L. V., Shadrina A. V.* Cerkovnye raskoly v Donskoj oblasti. 1920–1930-e gody. Sbornik dokumentov i materialov [Church splits in the Don region. 1920–1930-ies. Collection of documents and materials]. Rostov-na-Donu, Antej Publ., 2015, pp. 134–135. (In Russian).
21. *Shadrina A. V.* Rezul'taty vyyavleniya imen repressirovannogo duhovenstva Donskoj i Novoчеркасской eparhii 20–40-h gg. XX v. [The results of revealing the names of the repressed clergy of the Don and Novoчеркассk diocese].

- cese of the 20-40's XX century]. Knyaz' Vladimir. *Civilizacionnyj vybor Rusi. Materialy XIX Dimitrievskih obrazovatel'nyh chtenij* [Prince Vladimir. Civilization choice of. Materials of XIX Dimitrievskiy educational readings]. Rostov-na-Donu, Without Publ. House, 2014, pp. 202–211. (In Russian).
22. *Yunge M., Binner R.* Kak terror stal "Bol'shim". *Sekretnyj prikaz № 00447 i tekhnologiya ego ispolneniya* [How terror became the "Great". Secret Order No. 00447 and the technology of its execution]. Moscow, "AIRO-XX" Publ., 2003, 253 p. (In Russian).
23. *Yunge M., Bordyugov G., Binner R.* *Vertikal' Bol'shogo terrora. Istoriya operacii po prikazu № 00047* [Vertical of the Great Terror. The history of the operation under order No. 00047]. Moscow, *Novyj Hronograf; AIRO-XXI* Publ., 2008, 784 p. (In Russian).

Поступила в редакцию 02.03.17

A.V. Shadrina

**REPRESSION AND FALSIFICATION OF REPRESSIVE ACTIONS
AGAINST ORTHODOX SPIRITUALITY IN 1937–1938 IN THE ROSTOV REGION**

The publication is devoted to repression of the clergy of the Rostov region in 1937–1938, determined on the basis of the analysis of the criminal investigation cases of the clergy, stored in the Archive of the Office of the Federal Security Service of the Russian Federation for the Rostov Region. On the example of the fabricated "counterrevolutionary church-monarchical organization" of the renewed "metropolitan" Peter Sergeev acting on the Don, it was shown that the peculiarity of the era of the "Great Terror" in the Rostov region was the construction by the NKVD organs of extensive ramified "counterrevolutionary organizations" generated during the process of investigation. The article shows the history of the creation of a "counterrevolutionary organization", which included 77 people, the formation of fictitious links with Western hierarchs and organizations, setting tasks, structure. Such "organizations" performed the function of bringing to the punishment, as a rule, in the form of execution, as many clergymen as possible, perceived by the leaders of the party and government as an element alien to the Soviet ideology that had a certain influence on the population.

Keywords: Great Terror, counter-revolutionary organization, "metropolitan" Peter Sergeev, "Archbishop of the Don and Shakhty" Sergiy Bolgarov, Religious Union of Azcherkrai, Bishop of Novocherkassk Iulian (Simashkevich), Archpriest F. I. Delaveridi.

Шадрина Алла Валерьевна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
археологии и истории культуры
ФГБОУ ВО «Донской государственный
технический университет»
344000, Россия, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1
E-mail: bergson@yandex.ru

Shadrina A.V.,
Candidate of History, Associate Professor
at Department of Archeology and History of Culture
Don State Technical University
Gagarina Square, 1, Rostov-on-Don, Russia, 344000
E-mail: bergson@yandex.ru